

Мария Лунёва

ТВОЙ ШЁПОТ В ТУМАНЕ

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Л84

Лунёва М.

Л84 Твой шёпот в тумане / М. Лунёва — М. : Импринт Эйфория / RUGRAM, 2023. — 358 с. — (Бессоны).

Три сестры, три сироты и одна судьба на всех — сгинуть в забытой деревеньке на краю мира у туманной стены, где мертвых куда больше, чем живых.

Старшая сестра рискует жизнью, чтобы прокормить семью, средняя — стремится на юг, веря, что там ее ждет лучшая доля, а младшая — просто хочет жить, даже когда вокруг только голод, безнадежность и вечный страх.

Но для трех связанных судеб все меняется, когда в деревню приходят захватчики — северяне.

BIC FM
BISAC FIC027030

© Мария Лунёва, текст, 2023
© Лия Готверд,
Мария Лунёва, обложка, 2023
© Импринт Эйфория,
оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91654-2

Пролог

Тяжёлый туман стелился под ногами. Ночной мрак слабо освещал молодой месяц, но того света, что проникал на землю через редкие облака, хватало, чтобы бредущий по разбитой деревенской дороге человек мог хоть немного ориентироваться в пространстве.

Шатаясь, он кутался в окровавленную старую куртку, подбитую кроличьим мехом, и всё ещё зажимал рану, хотя кровь в ней уже свернулась. Белеющие пальцы стягивали ворот, пытаясь сохранить ускользающее тепло. Мужчина ещё не осознал, что это остывает его тело. Ноги несли его вперёд, и, как безумец, придерживаясь за заборы чужих домов, он стремился туда, где его ждут и любят.

Его зрение угасало, и теперь он искал свой дом скорее по запаху. Вишня. Мелкие розовые цветки на высоком раскидистом дереве делали его родное жилище узнаваемым даже ночью. Он вдыхал воздух, пропуская через нос, и всё пытался уловить сладкие нотки, которые бы подсказали, что его цель достигнута.

А желал он немногого. Замутнённый разум шептал только одно:

«Вернуться к своим девочкам!»

Даже умерев, он не мог простить себе того, что оставил дочерей совсем одних, и, повинувшись своей последней мысли, своей боли и страху, мёртвый отец пытался вернуться домой. Туда, где за бедным, накрытым цветной скатертью столом сидят его красавицы и ждут, поглядывая в окошко.

Томмали наверняка разогревает уже в какой раз суп на затопленной печи. Лестра по своему обычаю плетёт пояски из кожаных лент, а малышка Эмбер... его Эмбер опять болеет. Мужчина разжал правую руку, в которой всё ещё был холщовый мешочек. Да. Вернуться домой и принести траву, помогающую справиться с лихорадкой. Дойти и отдать это Томмали. Она запарит её, напоит Эмбер, и болезнь отступит.

Мёртвое сердце кольнула острая боль. Оно ещё раз встрепенулось в попытке ожить и замерло.

Мужчина остановился и затряс головой. Разум угасал, воспоминания стремительно исчезали, таяли, как утренняя дымка.

Он вернётся домой. Он дойдёт к своим любимым девочкам. Защитит. Не оставит.

И отец снова пошёл вперёд, ориентируясь на запах. Ему нужно туда, где витает аромат вишни. Вот впереди очертания родного забора и крыши. Спотыкаясь и заметно шатаясь, он пошёл дальше.

Знакомо скрипнула калитка. Свет в окне. Так было заведено: пока кого-то не было дома, свечу на подоконнике не гасили. И огонёк светил, указывая путнику, что его ждут и любят.

Пройдя через незапертую деревянную калитку, мужчина добрёл до сарая и упал на небольшой холм земли с торчащей доской, на которой было вырезано только лишь имя «Итэр». Его сын, не проживший и месяца, но, тем не менее, любимый и такой желанный. Скоро они будут вместе. Подняв грязную руку, мужчина провёл дрожащими пальцами по дощечке, пытаясь удержать остатки воспоминаний.

Его мальчик. Такой крошечный, с чубчиком редких тёмных волос. Так похожий на него.

Позади скрипнула входная дверь, заставив мужчину замереть и вспомнить о травах. Он дошёл. Теперь нужно отдать. Эмбер.

В серых затуманенных глазах окончательно погасла жизнь.

— Папа, — тихий шёпот снова разбудил его сознание. — Папочка, это ты?

— Томмали, — выдохнул мертвяк и повернулся на спину. Его старшая доченька замерла в каком-то шаге от него со свечкой в руках. Холодный ветер трепал длинное серое платице. Совсем взрослая. Невеста. А он не увидит её в свадебном платье. Скупая слеза скатилась по серой щеке.

— Папа, почему ты лежишь? — в тонком голосе слышался страх. — Папочка, поднимайся.

Мужчина поднял руку с зажатым в ней мешочком, но тот выпал из ставших непослушными пальцев.

— Прости, милая, я не мог вас бросить. Не мог не вернуться домой, — его слова становились всё невнятнее. — Завари и напой Эмбер. Береги её, Томма. Береги их обеих.

— Папа, — свеча выпала из дрожащих рук девушки и погасла, покотившись по земле. — Папа, нет! Я прошу тебя, нет! Ты не можешь, папа! Ну, пожалуйста.

Обезумевшая дочь бросилась на грудь мужчины и, не обращая внимания на уже свернувшуюся кровь, тихо ударила по ней кулачками.

— Папочка, — умоляла она, — борись!

— Поздно, милая, — промычал он. — Добей меня и похороны рядом с матерью.

— Нет, я не смогу, папа, — рыдая, она обхватила его заросшее щетиной лицо и заглянула в родные любимые глаза. — Как же мы? Что будет с Лестрой и Эмбер?! Папа, не бросай нас!

Обняв, она прижалась к мёртвому телу, ища утешения и привычного тепла.

— Ты справишься, — отец тихо погладил свою дочь уже остывшей рукой по волосам. — Ты сильная, Томмали. Ты моя гордость!

Его голос звучал всё тише.

— Я не смогу, папа, — подняв лицо, она умоляюще взглянула в его глаза.

— Сможешь, а сейчас неси вилы, — приказал он.

— Нет, — девушка в ужасе покачала головой и трусливо глянула на освещённое окно, боясь увидеть там сестёр.

— Не дай мне превратиться в безумца и навредить вам, — настойчиво зашептал мужчина, теряя остатки разума, но хватаясь за ускользающие мысли. — Сделай, что я прошу, дочь. Я хочу быть рядом с вами, вот здесь, в этой земле. Не отказывай мне в этом, Томма. Не обрекай на участь скитальца. Я хочу быть тут, понимаешь, с вами, мои малышки, с женой и любимым сыном. Прошу, Томма.

Кивнув, девушка поднялась. На трясущихся ногах отошла от отца на шаг. В её глазах были осознание и ужас.

Папы больше нет.

Сгорбившись, Томма сделала что велели и вынесла стоящие в сарае вилы, но добить родного человека рука не поднялась. Размазывая слёзы по лицу, она, не отрываясь, смотрела на отца и не могла решиться. В его глазах угасал огонёк разума. Зарывав на нее, мёртвый попытался подняться.

Это подтолкнуло её к действию: там, в доме, Эмбер и Лестра. Приставив к груди мужчины вилы, она зарыдала громче, понимая, что не сумеет.

Но её любимый папа не подвел и не дал испачкать руки кровью. Уцепившись за вилы, он из последних сил дёрнул их на себя, пронзая грудь и развеивая остатки жизни.

— Я люблю вас, милая, и всегда буду рядом.

Прошептав последние слова, умертвие упало навзничь.

Подняв с земли мешочек с травой, Томма прижала его к груди. Теперь её очередь быть главой семьи. Теперь жизнь её сестёр зависит только от того, насколько сильной она будет.

— Я не подведу, папочка, — тихо зашептала она. — Я сделаю всё для них. Ты будешь мной гордиться. А сейчас спи, любимый мой. Спи и не переживай о нас.

Схватив лопату, она принялась копать яму. Слезы градом стекали из глаз, мешая ей, то и дело оборачиваясь, она видела свечку на подоконнике. Теперь им уже некого ждать. Папа больше никогда не уйдёт в лес.

Голодный туман оставил их сиротами.

К утру за сараем появилась свежая могила. В доме остались три убитые горем молодые женщины.

Глава 1

Поднявшись на пригорок и обойдя заброшенный полуразрушенный дом, я остановилась и с замиранием сердца глянула вниз, на линию леса. Я и так знала, что там увижу, но каждый раз наивно закрывала глаза и просила богов, чтобы ну хотя бы сегодня туман был спокоен и сыт. Но нет! Тонкие прозрачные сизые щупальца огибали деревья, частично скрывая их кроны от человеческого взора.

Туман искал новую жертву.

В голове возникла трусливая мысль: повернуть домой и сказать сёстрам, что идти в лес сегодня опасно. Что туман слишком близко, деревьев не видеть толком. Тихо, и птицы не поют. Но, представив их реакцию, я лишь тяжело вздохнула. Нам нужно есть. А в погребе шаром покати. Только плесень по углам.

Как и туман, жители нашей деревни вечно были голодны, так как достатка давно ни у кого не водилось. Даже до войны мы жили бедно, а теперь уж и подавно за гранью босой и голодной нищеты.

Оглянувшись, я безошибочно нашла крышу нашего дома. Ветхая, облупленная, в залатанных дырах, но со всё ещё целым